К 100-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
TO THE CENTENNIAL OF THE RUSSIAN ACADEMIC ARCHAEOLOGY

**Древности Восточной Европы,
Центральной Азии и Южной Сибири
в контексте связей и взаимодействий
в евразийском культурном пространстве
(новые данные и концепции)**

**Antiquities of East Europe, South Asia
and South Siberia in the context
of connections and interactions within
the Eurasian cultural space
(new data and concepts)**

**II. СВЯЗИ, КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (IV–I ТЫС. ДО Н. Э.)**

**CONNECTIONS, CONTACTS AND INTERACTIONS BETWEEN ANCIENT
CULTURES OF NORTHERN EURASIA AND CIVILIZATIONS OF THE EAST
DURING THE PALAEOMETAL PERIOD (4TH–1ST MIL. BC)**

*Организация конференции и издание материалов проведены
при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20008*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

*Редакционная коллегия тома II: А. В. Поляков, Е. С. Ткач (отв. редакторы), М. Т. Кашуба,
Л. Б. Кирчо, Е. А. Черлёнок, В. Я. Стёганцева, А. И. Климушина*

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. А. А. Выборнов

*Программный комитет конференции: академик РАН, д. и. н., проф. М. Б. Пиотровский
(Государственный Эрмитаж, почетный председатель); д. и. н. В. А. Лапшин (ИИМК РАН,
председатель); д. и. н. А. В. Головнёв (МАЭ РАН, сопредседатель); д. и. н. В. А. Дергачёв
(Высшая антропологическая школа, Молдова, сопредседатель); д. и. н. И. Ф. Попова
(ИВР РАН, сопредседатель); академик АН Республики Узбекистан, д. и. н., проф. Э. В. Ртвеладзе
(сопредседатель); к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, зам. председателя); к. и. н. В. А. Алёшкин
(ИИМК РАН, зам. председателя); д. и. н. Ю. Е. Берёзкин (МАЭ РАН); Dr., Prof. Н. Бороффка
(Германский археологический институт, Германия); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
Dr. Э. Кайзер (Свободный университет Берлина, Германия); к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН);
д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН); к. и. н. А. В. Кияшко (Южный федеральный университет);
к. и. н. П. Ф. Кузнецов (СГСПУ); к. и. н. Н. М. Малов (СНИГУ); к. и. н. В. П. Никоноров
(ИИМК РАН); Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); д. и. н., проф. Д. Г. Савинов
(Институт истории СПбГУ); к. и. н. В. Н. Седых (Институт истории СПбГУ);
к. и. н. Н. Н. Скакун (ИИМК РАН); к. и. н. Н. Ф. Соловьёва (ИИМК РАН); к. и. н. А. И. Торгоев
(Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

*Организационный комитет конференции: к. и. н. А. В. Поляков (ИИМК РАН, председатель);
к. и. н. В. А. Алёшкин (ИИМК РАН, зам. председателя); В. С. Бочкарёв (ИИМК РАН);
к. и. н. М. Т. Кашуба (ИИМК РАН); д. и. н. Л. Б. Кирчо (ИИМК РАН);
А. И. Климушина (ИИМК РАН, отв. секретарь); к. и. н. В. П. Никоноров (ИИМК РАН);
Ю. Ю. Пиотровский (Государственный Эрмитаж); В. Я. Стеганцева (ИИМК РАН);
В. В. Терёхина (ИИМК РАН, МАЭ РАН, отв. секретарь); к. и. н. Е. С. Ткач (ИИМК РАН);
И. Ж. Тутаева (Государственный Эрмитаж); к. и. н. Е. А. Черлёнок (Институт истории СПбГУ)*

**Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей
и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции):
Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург.
Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций
Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося
археолога В. С. Бочкарёва. — СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. — 287 с.**

ISBN 978-5-907053-35-9

DOI 10.31600/978-5-907053-35-9

cemetery, a considerable span of time, up to 340 years (95.8 % probability), took place. The funerary rite of the Karatamar and Khalvay barrows suffered no practical changes during that period. The peculiarity of the Karatamar pottery is in the presence of an internal rib on the neck of non-ornamented small vessels of a jar type. It is noteworthy, in addition, that the Khalvay vessels had only talc-containing clay paste while the tempers of the Karatamar pottery include crumbled shells besides talc.

БОЛЬШОЙ СИНТАШТИНСКИЙ КУРГАН В СИСТЕМЕ «ЭЛИТНЫХ КУРГАНОВ» ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ В III–II ТЫС. ДО Н. Э.

Г. Б. Зданович*, Т. С. Малютина**

* Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия; ** Челябинский государственный историко-культурный заповедник «Аркаим», Челябинск, Россия

DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9-238-240

Ключевые слова: Большой Синташтинский курган, платформа кургана, кладки из глиняных блоков, настилы из бревен и травы.

Со времени первых полевых исследований Большого Синташтинского кургана (далее — БСК) прошло более 45 лет. Автор раскопок БСК В. Ф. Генинг (1972, 1976 гг.) выделил два строительных комплекса, воздвигнутых на подкурганной площадке. Первое, исходное сооружение — погребальная камера и толос с платформой, которые были окружены невысокой стеной и рвом. Диаметр конструкции до обводного рва — 72 м, реконструируемая высота толоса — не менее 3,5 м. Базовые элементы БСК были включены авторами коллективной монографии в синташтинский культурный комплекс (Генинг и др. 1992: 342–374). Основанием для представления вторичного архитектурного комплекса как «храма-святылища» послужили не только мощные напластования на платформе, но и участки прокалов, остатки вертикальных столбов, очевидно, символизирующих «древо жизни».

Авторское понимание БСК нашло яркое отражение в развитии проблематики, связанной с распространением элитных курганов на территории Евразии (Массон 1994; Савинов 1994). Однако часть исследователей восприняла материалы БСК скептически. Культурная специфика и хронологические привязки памятника неоднократно оспаривались (Кузьминых 2004: 95, 97; Стефанов 2009: 18).

Распространение элитных курганов бронзового века на территории Поволжья и Приуралья относится ко второй половине III тыс. до н. э. (Моргунова 1994: 167; Кузнецов 2003: 49). Авторы отмечают единичность таких курганов во времени и в пространстве.

Спорные вопросы, касающиеся Большого Синташтинского кургана, заставляют нас неоднократно возвращаться к этому объекту (Генинг и др. 1992: рис. 199, 201). К настоящему времени на БСК остаются неисследованными северная пола, южная бровка III и обводной ров. Археологическими экспедициями Челябинского ГУ, Историко-культурного заповедника «Аркаим» и Благотворительного фонда «Аркаим» в 2005, 2006 и 2016, 2018 гг. ведутся работы на разрушающейся бровке III (рис. 1¹). Бровка широтного направления имеет ширину по основанию 3,0–3,2 м, по верхней поверхности — 1,0–1,5 м. Сохранившаяся высота — около 3,5 м, длина — 80–85 м. Сочетание горизонтальных срезов и вертикальных двухсторонних зачисток бровки III дало возможность детально проследить стратиграфию напластований. В основе сооружения лежит платформа, которая сложена из гумусных

¹ Рисунок и подпись к нему публикуются в соответствии с качеством представленных авторами материалов (Ред. коллегия).

Рис. 1. Большой Синташтинский курган, бровка III, линия 8 (по исследованиям 2016, 2018 гг.). 1 — пласты травы; 2 — пласты бревен; 3 — блочные структуры; 4 — насыпные грунты

блоков, выровнена насыпным суглинком рыжего цвета и закреплена налитыми тонкими слоями ила, пластичной глины и органической травяной прокладки. Толщина платформы в восточной части бровки — 0,5–0,7 м.

Базовая платформа отличается единством строительных приемов на всем протяжении исследованного разреза. Однако строительные горизонты, залегающие выше обозначенного уровня, заметно отличаются друг от друга. Прослежены многочисленные разноуровневые и, возможно, одновременные четко организованные ярусы из органических настилов — бревен, травы, сучьев и листьев; на них выявлены различные сочетания кладок из сырцовых блоков, образующие вертикальные и горизонтальные многослойные конструкции. Особенности залегания напластований кургана свидетельствуют о единой линии строительной деятельности на сооружении, без каких-либо длительных перерывов. Наблюдения согласуются с немногочисленными находками костей, металлургических шлаков и керамики, идентичной материалам многослойного поселения Синташта.

Основные строительные материалы кургана представлены гумусными и глиняными сырцовыми блоками различной цветности, конфигурации и структуры, включая обугленность и прокаленность. Химический состав сырцовых блоков свидетельствует о специальном замесе грунтов и включении в них органических примесей (Юминов и др. 2017: 53–67).

Значительные проблемы возникли при изучении погребенной почвы под напластованиями кургана (Гольева, Хохлова 2010: 67–76; Зданович, Малютина 2017: 68–84; Зданович 2017). Вполне возможно, что особенности погребенной почвы обусловлены деятельностью древнего родника, русло которого зафиксировано в центральной части кургана. Получено 10 радиоуглеродных дат. Две из них — по образцам погребенной почвы, остальные — по дереву. Даты укладываются, в основном, в первую половину и середину II тыс. до н. э. Две из них, одна — по погребенной почве, вторая — по дереву, уходят во вторую половину III тыс. до н. э.

Исследования на Большом Синташтинском кургане продолжаются. Полученные данные позволяют отнести его к кругу элитных курганов, возникших в Предкавказье и на Южно-Русской равнине в IV тыс. до н. э., и распространившихся в Урало-Поволжском регионе вместе с населением древнеямной общности во второй половине III тыс. до н. э. БСК сегодня является единственным сооружением подобного рода, связанным с миром эпохи бронзы, Южного Зауралья. Как и все известные нам элитные курганы от Предкавказья до Алтая, от эпохи бронзы до ранних кочевников он уникален как по своим строительным технологиям, так и по исторической и культурной миссии.

Литература

Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. 1992. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск.

Гольева А. А., Хохлова О. С. 2010. Реконструкция этапов создания Большого Синташтинского кургана (Челябинская область) на основе палеогеографических данных // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 67–76.

Зданович Г. Б., Малютин Т. С. 2017. Большой Синташтинский курган — древнейшее храмово-погребальное сооружение степной Евразии. К перспективе исследований // Горизонты цивилизации: Ежегодник. № 8. Челябинск. С. 68–84.

Зданович Д. Г. 2017. Синташта: территория места // Там же. С. 85–98.

Кузнецов П. Ф. 2003. Особенности курганных обрядов населения Самарской долины в первой половине бронзового века // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. Самара. С. 43–51.

Кузьминых С. В. 2004. Проблемы эпохи раннего металла в трудах В. Ф. Генинга // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет: Материалы. Всерос. науч. конф. Ижевск. С. 91–100.

Массон В. М. 1994. Развитие элитарных структур как прогрессивный феномен скифской эпохи // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. С. 1–8.

Моргунова Н. Л. 1994. К вопросу об истоках сарматского элитарного погребального обряда (по материалам эпохи бронзы Южного Приуралья) // Там же. С. 166–169.

Савинов Д. Г. 1994. Синташта и Аржан // Там же. С. 170–175.

Стефанов В. И. 2009. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана // РА. № 1. С. 18–24.

Юминов А. М., Зданович Г. Б., Зданович Д. Г. 2017. Минералогия и физические свойства грунтовых блоков Большого Синташтинского кургана (Южный Урал) // Геоархеология и археологическая минералогия: Материалы IV Всерос. молодежной научной школы. Екатеринбург. С. 87–92.

THE GREAT SINTASHTA KURGAN AND THE SYSTEM OF “ELITE BARROWS” OF VOLGA-URAL STEPPES IN THE 3RD–2ND MILL. BC.

Gennadiy B. Zdanovich*, Tat'yana S. Malyutina**

* Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia; ** Chelyabinsk State Historical and Cultural Reserve “Arkaim”, Chelyabinsk, Russia

Keywords: Great Sintashta Kurgan, barrow platform, masonry of clay blocks, floors of logs and grass.

Despite the fragmentary character of the archaeological material available to us, we can consider the Great Sintashta Kurgan (GSK) as a peculiar object differing it from “elite” barrows of Steppe Eurasia. This fact is due first to the regularity of the plan and architectural solutions. With the very beginning of the construction of GSK, i.e. erection of the tholos and the platform, this ensemble was projected as one to be transformed (growing into, developing) into a cult installation or a ‘temple-sanctuary’. This complex was created not for one-time use, i.e. execution of the funerary ritual, but as a place to be developed and grown into a grandiose cult area realizing a certain uniting principle. Here, there is no place for things. A certain architectural text is thus created, a model of the universe uniting the present and future human generations with the world of divine essence.

The approach to analysis of GSK in these terms makes it possible to eliminate many controversies concerning its relation with the Sintashta necropolis and settlement.